

«Ты будешь хлеб брат, а я буду палкой бить»:
социальные функции нарративов о мародерстве

Сергей В. Белянин

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, robispre10@gmail.com*

Екатерина А. Закревская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakrevskaya.ea@gmail.com*

Аннотация. С августа 1941 г. по октябрь 1943 г. территория современной Брянской области была оккупирована немецкой армией, а некоторые из местных жителей были вынуждены сотрудничать с оккупационной администрацией. Несмотря на то что в публичном дискурсе эта тема табуирована, нарративы о коллаборационизме и сегодня часто воспроизводятся на бывших оккупированных территориях. В основу этой статьи легли материалы, собранные в июле–августе 2020 г. в экспедиции в Новозыбковский район Брянской области. Мы отметили, что наши собеседники зачастую называют «полицаями» не только реальных пособников оккупантов, но и мародеров, действовавших по собственной воле. В этой статье мы ставим вопрос о том, почему нарративы о «полицаях» и мародерах все еще бытуют на оккупированных территориях, несмотря на отсутствие какой-либо «поддержки» такой памяти, и объясняем этот факт социальными функциями таких рассказов в замкнутом сообществе. Неприемлемость воровства внутри замкнутого сообщества сливается с негативной оценкой коллаборационизма в публичном дискурсе, и унижительное «звание» полиция становится ярлыком для любого человека, нарушающего правила социальной группы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, коллаборационизм, мародерство, оккупация, исследования памяти

Для цитирования: Белянин С.В., Закревская Е.А. «Ты будешь хлеб брат, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкзнание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 236–257. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-236-257

© Белянин С.В., Закревская Е.А., 2022

“If you take the bread, I will beat you with a stick”.
Social functions of narratives about looting

Sergei V. Belyanin

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, robispre10@gmail.com*

Ekaterina A. Zakrevskaya

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,
zakrevskaya.ea@gmail.com*

Abstract. Oryol region (Bryansk region nowadays) was occupied by the German army from August 1941 to October 1943. During this time some of the local people were forced to collaborate with the invaders. Despite the fact that nowadays this topic is a taboo, there are still a lot of stories of collaborationism and looting during the wartime that are often told in the former occupied territories. This article is based on materials collected in July-August 2020 during an expedition to the Novozybkovsky district of the Bryansk region. We noted that our interlocutors often call collaborators not only the real collaborators, but also the looters. In this article, we try to find out why residents of the former occupied territories still talk about collaborators and marauders. This fact might be explained by the social functions of such stories in a closed community. In a closed community looting is unacceptable as well as collaborationism in a public discourse. That makes local people use the name of collaborators as a label for any person who violates the rules of a social group.

Keywords: World War II, collaborators, looting, occupation, memory studies

For citation: Belyanin, S.V. and Zakrevskaya, E.A. (2022), “ ‘If you take the bread, I will beat you with a stick’. Social functions of narratives about looting”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory, Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 236–257, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-236-257

Мне мама приснилася: «Скажи пожалуйста, что ты там делаешь? – Я на том свете охраняю твой хлеб. – Мать, а как ты мой хлеб охраняешь?». Она мне говоре: «У тебе на том свете накрыты стол и полстола хлеба. Приходила соседка наша Татьяна...». Она в войну раскулачивала детей. Приходила, каже, Татьяна и просила хлеба, а я сказала: «Хлеба я тебе не дам – это хлеб не мой, это моей Маланьи хлеб... Хожу, моя доченька, с палкой...». Она и говоре: «Раз не твой хлеб, то я возьму хлеба». А моя мамаша и говорит: «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить». <...> Она [Татьяна] при жизни хлеб собирала. Як война была... Як полицейская. Да... Все забирала. У нашей матки был

пуд жита, ржи пуд... А у нас девять детей... У моей семьи, где я выросла девять детей... Батяка ж на войне был... а она пришла, сука, забрала...

Такой сон о соседке-«полицайке» рассказала нам Маланья, жительница деревни Старые Бобовичи, которая находится на западе Брянской области и в 1941–1943 гг. была в оккупации. Нужно отметить, что она была не единственной: многие наши собеседники поднимали тему коллаборационизма. Маланья, как и некоторые другие информанты, родилась сразу после войны, и все, что ей известно об этом времени, она узнала из СМИ или из рассказов родственников. Известно, что коллаборационизм в публичном дискурсе табуирован, а память о нем не имеет институциональной поддержки: рассказы о «предателях» не воспроизводятся публично и не структурируются постоянным повторением на встречах школьников с ветеранами или на праздничных мероприятиях ко Дню Победы. Сложно предположить, что воспоминания о «полицаях» переживут поколение свидетелей войны и тем более что они будут рассказаны малознакомым собирателям, однако именно это произошло в экспедиции в Брянскую область.

Наше исследование проводилось в небольших городах и селах, которые не были индустриальными центрами. Большинство жителей региона занимались сельским хозяйством. Регион сильно пострадал в Гражданскую войну¹. В 1918 г. Новозыбков и Унеча были заняты немецкими интервентами. В 30-е гг. в Брянской области на волне коллективизации случился голод². Эти обстоятельства приучили людей жить в условиях постоянной нехватки необходимых ресурсов.

Пограничное положение и стратегически важное направление на Москву во многом определили судьбу Брянщины в годы войны. В середине августа 1941 г. войска вермахта проводят наступление на Унечу, Стародуб и Новозыбков, и за неделю города оказываются оккупированы немцами. С 1941 по 1943 г. население брянщины жило под контролем оккупационного режима: немцы пришли быстро, и значительная часть населения не успела уйти на фронт или уехать в эвакуацию [Абовян, Дзюбан 2019, с. 50–51; Гавренков 2011, с. 31–32].

---

¹Брянский край в Гражданской войне (1919–1920 гг.) // Родной Брянск, милая сердцу Брянщина! URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/grazhdanskoj> (дата обращения 15 января 2022).

²Брянщина: Голод 30-х годов // Родной Брянск, милая сердцу Брянщина! URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/golod> (дата обращения 15 января 2022).

В основу статьи легли 70 полуструктурированных интервью с жителями Унечи, Стародуба, Новозыбкова, Злынки, Суража и соседних сел и деревень, при этом в 32 из них наших собеседники говорили о коллаборационистах. Важно отметить, что мы не используем эти рассказы как правдивый и непредвзятый исторический источник. Детально пересказать события, которые произошли 75 лет назад, невозможно: подробности забываются, истории изменяются в процессе многочисленных пересказов и невольного «присвоения» рассказчиком сюжетов из кино, литературы и СМИ. Задача нашей статьи – не установить историческую правду, а объяснить причины популярности рассказов о полициях на бывших оккупированных территориях.

*«Сам ты полицай»:
публичный дискурс
о коллаборационизме*

Впервые понятие «коллаборационизм» появляется в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.: в нем эта форма измены Родине была названа «самым позорным и тяжким преступлением». В качестве наказания за сотрудничество с оккупантами в этом указе вводится заключение на срок от десяти лет или смертная казнь. С освобождением оккупированных территорий Советского Союза эта правовая норма начинает применяться в судебных разбирательствах – например, в Краснодарском и Харьковском процессах 1943 г. Эти суды широко освещались в прессе и были публичными: например, на Краснодарском процессе присутствовало 30 тысяч зрителей. Историк Илья Бортман считает, что большие сроки заключения или унижительная публичная казнь «полицаев», а также широкий резонанс в СМИ были призваны предотвратить повторное сотрудничество с оккупантами, если пограничные территории снова перейдут под их контроль [Bourtman 2008, p. 256–261; Махалова 2020, с. 224].

Илья Эренбург, присутствовавший на суде, отмечал, что большинство подсудимых не были идейными противниками советской власти. Как правило, это был не выбор между идеологическими системами, а преследование личных прагматических интересов [Махалова 2020]. Однако в последующие годы образ «пособников немецко-фашистских захватчиков» сближался с другими «врагами народа». Например, в романе Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень» (1963) с немцами сотрудничают затаившие злость на советский режим «кулаки». Здесь литература следует за судебной

практикой и официальным дискурсом в целом: как отмечает Ирина Махалова, в рамках послевоенных преследований коллаборационистов суды часто старались обнаружить у них «кулацкое» прошлое [Махалова 2020, с. 154–155].

В начале 2000-х гг. в России Великая Отечественная война (ВОВ) приобретает главенствующее значение в национальном гранд-нарративе [Копосов 2011, с. 162–168, Миллер 2012, с. 331–332]. Использование памяти о Победе в политических целях приводит к вымыванию и замалчиванию любых неоднозначных деталей. Единственным допустимым способом рассказа о военных годах становится воспевание героизма и жертвенности советских граждан – сомнения в официальной историографии ВОВ криминализируются³. Единственным легитимным контекстом для упоминания коллаборационизма становятся обвинения в нем идеологических противников внутри страны или граждан соседних государств.

Например, в 2014 г. на фоне военного конфликта на юго-востоке Украины обвинение в сотрудничестве с «немецко-фашистскими захватчиками» превращается в удобный способ стигматизации внешнеполитических противников⁴.

Публичное сочувствие коллаборационистам всякий раз оборачивается скандалом. При этом нужно отметить, что сочувствующие тоже используют предложенную государством модель: коллаборационисты в их нарративах предстают людьми, осознающими свои поступки как политические действия. Меняется только оценка – сотрудничество с нацистами оценивается не как предательство, а как сопротивление советскому режиму.

Осуждение коллаборационизма стало неотделимо от его упоминания даже в академической среде: так, Ирина Махалова отмечает, что до недавнего времени в научных исследованиях анализ деятельности коллаборационистов зачастую подменялся ее моральной оценкой [Махалова 2020, с. 7].

В этой ситуации нас удивляет не только сам факт активного и добровольного воспроизведения нашими информантами историй о «полицаях», но и то, что эти истории оказались построены по модели, существенно отличающейся от доминирующей в публичном дискурсе. Как мы показываем выше, в контексте политических

---

³ В 2009 г. в России была создана комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В 2014 г. Госдума приняла закон о недопустимости реабилитации нацизма.

⁴ В российских официальных СМИ украинских политиков зачастую называют «бандеровцами».

дебатов и мемориальных войн коллаборационист предстает не просто как предатель Родины, но как человек, осознающий свое предательство и мыслящий его в политических категориях. Для наших информантов более важными оказываются другие сюжеты. Например, Елена (1934 г. р.) рассказала о том, как оккупанты сожгли ее родную деревню, перед тем как отправить население в концлагерь, и упомянула о полицаих:

Этот полицай, нас когда палили [сжигали деревню], они перед этим из своего дома все повытянули [забрали], даже рамы повытянули, на подводы подогнали, все свое побрали.

В медиа коллаборационисты показаны как «идейные» предатели, но для Елены важнее оказывается имущественная сторона вопроса. Как мы покажем далее, из всех форм насилия и эксплуатации, которым коллаборационисты подвергали мирное население, наибольшее количество устойчивых нарративов породили именно воровство и конфискация имущества – именно эту устойчивость и даже популярность мы и собираемся объяснить.

Нарративы о «полицаих» как индикатор ценностных моделей

Историки до сих пор ведут споры о количестве советских граждан, осужденных за коллаборационизм. По подсчетам Сергея Кудряшова и Ванессы Вуазен, общее количество осужденных за коллаборационизм с 1941 по 1954 г. составляет немногим меньше 500 тысяч человек⁵ [Kudryashov, Voisin 2008, p. 268]. «Полицаи» выполняли различные функции. Это могли быть как «технические» обязанности, такие как работа надзирателя в гестапо или концлагере, так и более ответственные административные должности старосты или бургомистра. Изредка они могли принимать участие в расстрелах мирных жителей. Основным занятием «полицаев» была конфискация продовольствия и вещей для нужд немецкой армии [Махалова 2020, с. 29–30, Дин 2008].

Почти безграничная власть «полицаев» над соседями часто перерастала в разнообразные формы эксплуатации и унижения.

---

⁵ По их подсчетам, только по статье 58-1 «а» за период с 1941 по 1954 гг. было осуждено 333 108 человек, а по декрету от 19 апреля 1943 г. – еще 36 065 человек.

Они не ограничивались выполнением приказов и часто использовали сложившееся положение в своих интересах. Такие истории сохранились и в памяти наших собеседников. Например, Елена (1934 г. р.) рассказала о полицее, который принуждал односельчан кормить свою мать:

У нее был сын, он пошел в полицаи, а она стала это... Барыней.
<...> Что он делал, соберет девчат – идите мойте или идите наварите.
Ей. Или она придет к тебе, день будет сидеть – корми ее.

При этом случалось, что «полицаям» удавалось избежать наказания. 19 апреля 1943 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР пособничество немецко-фашистским захватчикам было выделено как отдельное преступление⁶ [Махалова 2020, с. 222–224], и после принятия этого указа в судебной практике коллаборационизм стал наказываться заключением в лагеря или смертной казнью. Однако преследовались в основном участие в убийствах мирного населения и деятельность, направленная против партизан; более мелкие проступки (например, такие, как описанный выше) расследовали ситуативно [Махалова 2020; Bourtman 2008].

В условиях кризиса снабжения и постоянных конфискации имущества на нужды оккупационной администрации население оказалось на грани голода и дефицита элементарных бытовых вещей. Для описания ситуации, сложившейся на оккупированных территориях в это время, можно использовать термин Лоренса Лангера «выбор без выбора»⁷. В это время у людей зачастую не было возможности совершать этический выбор: вынос товаров из ставшего бесхозным магазина или присвоение вещей соседа часто оказывались единственной возможностью выжить [Exeler 2016, pp. 809–812].

Расследованием таких «имущественных» преступлений занималась Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК), учрежденная в 1942 г. В задачи комиссии входил централизованный учет человеческих потерь и материального ущерба на оккупированных территориях. Однако существование ЧГК не гарантировало привлечения мародеров к ответственности: зачастую жертвы были деморализованы произошедшим и не обращались в правоохрани-

---

⁶ До 1943 г. коллаборационизм квалифицировался как измена Родине – по 58-й ст. УК РСФСР. В это время такие процессы были закрытыми и находились в ведении военного суда.

⁷ *Lawrence L. The dilemma of choice in the deathcamps // Centerpoint. 1980. Vol. 4. No. 1. P. 222–232.*

тельные органы. Кроме того, под подозрением находились все жители оккупированных территорий, и любое обращение в суд могло обернуться против заявителя [Махалова 2020, с. 235; Exeler 2016, pp. 829–831]. Наказание и «полицаев» (не вовлеченных в насильственные преступления), и мародеров оказалось отсроченным на десятилетия или вовсе не произошло, поэтому случалось, что жертвы выбирали «традиционные» методы восстановления справедливости – например, бойкот или избиение избежавших правосудия «полицаев» [Exeler 2016, pp. 819–822]. Истории о таких практиках рассказываются до сих пор: например, Геннадий (1968 г. р.) рассказал, что принимал участие в бойкоте «полицая».

На нашей улице жил такой человек. Когда я был маленький, мне бабушка показывала – «ходил». Я не здоровался, я был маленький, принципиально не буду с полицаем здороваться. А я ж не знаю на самом деле, за что он сидел.

Геннадий не может утверждать, что сосед действительно работал на оккупантов, но воспроизводит слухи, известные ему с детства. Рассказы о «полицаях» оказываются устойчивыми и часто приобретают структурированную форму. Спустя несколько поколений они подвергаются фольклоризации: некоторые детали утрачиваются, а сам текст начинает строиться по знакомой рассказчику схеме. Нарратор комбинирует различные сюжеты, создавая сложную историю, как сказитель создает из известных ему блоков эпическое сказание. Это сходство указывает, что устные истории о войне функционируют так же, как тексты традиционного фольклора.

Наиболее важными для жителей Брянщины оказались истории о конфискации имущества «полицаями». При этом наши собеседники обычно называют «полицаями» мародеров, совсем не обязательно работавших на немцев: можно предположить, что воспоминания о распространившемся в военные годы воровстве «срослись» с воспоминаниями о конфискации имущества «полицаями». Популярность таких рассказов можно объяснить с помощью концептуальной рамки, предложенной Джорджем Фостером. Он предлагает метафору, согласно которой ресурсы представляются как пирог, который поровну делится между всеми членами сообщества. Фостер предположил, что в замкнутых сообществах ресурсы мыслятся как конечные и ограниченные: если кому-то достается больше, это значит, что у всех остальных этого блага убавится⁸.

---

⁸*Foster G.M.* The dyadic contract. A model for social structure of a Mexican peasant village // *Am. Anthropol New Series*. 1961. Vol. 63. No. 6. P. 1175.

Александр Панченко предлагает взглянуть на крестьянские рассказы о Второй мировой войне не как на исторический источник, а как на форму типизации социального опыта и индикатор ценностных моделей, принятых в сообществе [Панченко 2013, с. 126–127].

Таким образом, мы можем рассматривать нарративы о «полицаях» и мародерах как отражение ценностных представлений, характерных для замкнутого аграрного сообщества.

*«Соседское» и ничье:
нарративы о мародерстве
в замкнутом сообществе*

Представления о похищении «общего» блага относятся только к членам сообщества. Так, Анна (1937 г. р.) рассказала о том, как в войну в Злынке «разбирали магазин»:

И еще такая картинка: несут, вот разбирали в магазинах, когда бомбили городок, и там кто что, кто соль, кто что. А я увидела, что одна женщина несла куклу. «Мамочка, а мне такую куклу?» А она говорит: «Где ж я возьму такую куклу?». А тут идет бабушка Дуня и говорит: «Чего ж твоя девочка так плачет? – Да куклу хочет, а где я ее возьму?». Она говорит: «Идемте ко мне». И на Коммунальной улице угловой домик, приходит, достает корзинку, а она принесла к себе домой кукол этих, и вот дает мне – выбирай себе куклу. Это вот кукла где-то до сих пор у меня на чердаке.

«Расхищение социалистической собственности» – присвоение товаров из магазина – Анна не осуждает. Можно предположить, что это связано с тем, что государство не является членом сообщества и магазинные товары оцениваются как «ничейные» – в этой логике их не воруют. Действия соседки Анна оценивает скорее положительно: в этой истории она играет роль милосердного человека, оказавшего помощь матери с ребенком. Таким образом, главной добродетелью становится акт перераспределения доставшихся ей «из ниоткуда» (не украденных у других членов сообщества) благ среди соседей и знакомых.

Елена (1936 г. р.) вспоминает похожую историю о разграблении магазина, но вместо щедрой соседки в ее нарративе появляется немец, который дает хлеб ее брату:

Брат мой рассказывал, тогда же стали грабить магазины... <...> И вот немец один хлеба булку дает ему, и она в мыле, в хозяйственном мыле... Они же разбирали как зря там... Испачкано... Дак он ему объясняет: «Почисти, почисти, мол... Почисти, и можно есть». <...> И вот принес брат и говорит: «Мам, вот хлеба принес».

Брат Елены выступает здесь не в роли вора, а в роли спасителя своей голодающей семьи. С этой историей резко контрастируют воспоминания той же Елены о другом эпизоде мародерства: она вспомнила о соседе, присвоившем вещи расстрелянного немцами прокурора.

Семью прокурора, коммуниста тоже забирали вместе с нами... Туда же на мясокомбинат <в лагерь для оstarбайтеров>. Она <жена прокурора> после войны, мама рассказывала, увидела, как шел человек в пальто ее мужика. Она его думала, что разорвет. <Когда> их забрали, <сосед> шарил же в доме и забрал это пальто, понятно? И вот он шел в этом пальто... Ой, как она уцепилась за него, думали бабы, что она его разорвет...

Один акт мародерства Елена осуждает, а другой оценивает положительно: принципиальную для нее разницу между ними можно объяснить именно с помощью теории ограниченного блага. Во-первых, рачительная соседка и «добрый немец» поделились присвоенным имуществом, совершив акт перераспределения ресурсов. Во-вторых, государственное имущество информантами воспринимается как «ничейное», тогда как присвоение имущества односельчан очевидно кажется им аморальным.

Представления о правильном перераспределении блага внутри сообщества отражаются в рассказе жительницы села Старые Бобовичи Маланьи, которая рассказала о своем участии в распространенном в Брянской области обряде «свеча» [Листова 2008]. Он заключается в том, что жители села приобретают вскладчину икону, и раз в год, в день памяти изображенного на ней святого, переносят ее в другой дом. Перенос сопровождается импровизированной службой и застольем. Важно отметить, что икона может храниться только у тех семей, которые не были замечены в нарушении этических норм сообщества.

Нарушители моральных норм не могут принимать участие в обряде. Другая жительница села Ксения рассказывала нам о «полице» Горькуше, который запомнился в селе тем, что грабил и эксплуатировал соседей:

Горькуша тут был начальником, говорят издевался над народом. Так он в Америку удрал, его род жили тут, в Гутниково. Так он вызывал этого Виктора <племянника>... хотел, чтобы он приехал к нему в Америку. Наверное, хотел показать, где золото зарыто. <Какое золото?> Ну, а то, что людей грабили.

По рассказам Маланьи, после войны Горькуше удалось сбежать за границу. Наши собеседницы объяснили причины благосостояния родственников «полицая» «посылками из Америки». Именно поэтому участие его двоюродной сестры Раюшки в обряде «свеча» осуждается, а ее дары иконе воспринимаются как недопустимые.

Оттуда такие посылки шли, такие платки, такие товары. Когда я Казанскую служила... Приносила эта Раюшка... И каже на товар – это американский... <и> вешала на икону... товар... кусок.

Посылки из Америки воспринимаются как «нечистые», поскольку их отправитель серьезно нарушил моральные правила сообщества: он работал на немцев и грабил соседей. Дар Раюшки, полученный ею от «полицая», считается украденным у всего сообщества, и поэтому не может быть положен на икону в ходе «свечи». Такой дар входит в противоречие со смыслом обряда, который состоит в символическом перераспределении благ внутри сообщества.

Такое осуждение мародерства характерно только для замкнутых сообществ, которые существуют на бывших оккупированных территориях и сегодня. Рассказы о «полицаях» практически не встречаются в крупных городах, находившихся в зоне оккупации, – например в Ростове-на-Дону эти сюжеты практически отсутствуют.

Часто рассказчиками историй об украденном хлебе и пальто выступают горожане в первом поколении, чьи предки на момент войны проживали в расположенных неподалеку от города станицах. При этом лишь немногие из записанных в Ростове нарративов о грабежах имеют привязку к кругу знакомых собеседника. Это значительно отличает их от рассказов жителей небольших городов и деревень Брянщины, которые охотно рассказывают истории о мародерстве, происходившем в родном городе рассказчика, и указывают на конкретных, знакомых ему людей. Причина отличия этих историй заключается в том, что в деревне, несмотря на значительный темп урбанизации, сохранилась социальная структура, характерная для небольших земледельческих сообществ, существующих в состоянии постоянной нехватки ресурсов.

Такие нарративы не только отражают ценностные представления членов сообщества, но и являются удобным способом стигматизировать человека. Именно поэтому несколько поколений спустя обвинения в мародерстве становятся регулятором социальных отношений внутри группы и со временем отрываются от исторических реалий.

*«Дочь полиция»:
операциональное использование
памяти о коллаборационизме*

Старые Бобовичи находятся в нескольких километрах от Новозыбкова. Село оказалось на периферии боевых действий: единственным трагическим эпизодом в его истории стал расстрел небольшой группы партизан и коммунистов. После аварии на Чернобыльской АЭС Старые Бобовичи попали в зону радиационного заражения. Согласно слухам, село должно было быть расселено, но с распадом Советского Союза на его расселение не осталось средств. Авария значительно повлияла на будущее села и состав его населения: радиационное загрязнение стало причиной ликвидации колхоза, где работали большинство жителей. Отсутствие работы вынудило молодежь уезжать в город. Сегодня основные жители Старых Бобовичей – это пенсионеры. Молодые люди не живут в селе постоянно, а приезжают туда на время отпуска или помогают родственникам деньгами. При этом уровень достатка, достигаемый за счет такой помощи, может быть замечен окружающим и зачастую становится поводом для зависти.

Финансовое благополучие соседей в замкнутом сообществе воспринимается как кража и подлежит моральному осуждению. Одной из форм такого осуждения становится обвинение соседей в работе на оккупантов. Александр Панченко отмечает типологическое сходство между нарративами о доносе и традиционными обвинениями в колдовстве. Он использует объяснительную модель колдовства, предложенную Фостером, и утверждает, что крестьяне адаптировали эту модель нарратива к новым историческим реалиям, заменив в них колдуна на доносчика [Панченко 2013, с. 129–130]. Мы предполагаем, что обвинения в коллаборационизме в наши дни имеют такую же прагматику.

Франциска Экселер обращает внимание на возможность использования таких нарративов в прагматических целях. На материале архивных источников, устных интервью, дневников и «писем во власть» она показала, что обвинения в коллаборационизме часто

носят утилитарный характер. Рассказы о сотрудничестве соседей с фашистами используют в случаях, когда необходимо придать вес своим словам, снять с себя или близких ответственность за какой-либо проступок, перенести ее на виновного в более тяжком преступлении, или настроить адресата письма против предполагаемого «полицая» [Exeler 2016, pp. 826–831].

Истории о «полицаях» на бывших оккупированных территориях используются таким же образом и сегодня, при этом табуированность коллаборационизма в публичном дискурсе способствует, а не препятствует их передаче. Именно из-за нее обвинения в сотрудничестве с немцами становятся «клеймом» – удобным способом стигматизировать оппонента.

Для того чтобы лучше понять работу этого механизма, мы предлагаем рассмотреть историю конфликта двух женщин – жительниц Старых Бобовичей – Маланьи и Ксении.

Маланья не рассказала о том, чем занимались ее родственники во время войны, а Ксения утверждала, что ее отец был в партизанском отряде, а мать, бабушка и младшая сестра попали в тюрьму. Несмотря на то что обе женщины родились уже после войны, каждая рассказала несколько историй о том, как в военные годы соседи украли у их семей какое-то имущество. Ксения говорила о разграбленном доме, где не осталось «ни одного окна», а Маланья рассказала о соседке-«полицайке», которая забрала у матери зерно.

Маланья всю жизнь проработала дояркой в колхозе. Предметами гордости для нее являются награды, которые она получила как многодетная мать. Другой повод для гордости – это участие Маланьи и ее родственников в религиозном возрождении села. Семья участвовала в восстановлении храма в Старых Бобовичах, а сама Маланья девять лет «служила икону» – участвовала в уже упомянутом обряде «свеча». Затраты на организацию застолья довольно обременительны для Маланьи. Ее семья живет небогато, дом бедно обставлен и нуждается в ремонте. Основным источником дохода для семьи являются государственные пособия и зарплата сына-дальнобойщика. О тяжелом финансовом положении семьи свидетельствует и рассказ дочери Маланьи о том, что во время карантина ее дети не могли учиться удаленно, потому что в семье нет компьютера.

Полной противоположностью семье Маланьи является семья Ксении. Она отработала больше двадцати лет зоотехником, но вынуждена была уволиться, «не найдя общего языка» с новым председателем колхоза. Однако Ксения не осталась без работы и сразу же получила назначение директором хлебозавода. Эта должность – основной повод для гордости нашей собеседницы. Дом Ксении выде-

ляется в селе свежим фасадом, дверьми как в «городской квартире» и новым металлическим забором. Дом чистый и обставлен «хорошей» мебелью, а веранда украшена «голландскими» цветами в горшках.

Ксения рассказала нам и о своих детях и внуках. Сын работает инженером на Севере, внучка – журналистка в Москве и «постоянно общается с известными советскими актерами». Ксения, в отличие от Маланьи, принимала нас весьма сдержанно – без застолья – и не испытывала заметной радости по случаю визита «московских» гостей. На вопрос о том, плясала ли в годы ее молодости молодежь какие-то танцы, она ответила с явным неудовольствием:

Наше поколение уже хороводы не водило. ... Это не мое. Вальс какой-нибудь или танго <предпочитала танцевать>.

Маланья же, наоборот, показывала гостям знание народных песен и с радостью рассказывала былички о ведьмах и «невидимых людях». Надо отметить, что мы не первые исследователи, побывавшие у нее. Маланья известна своим знанием традиции, поэтому к ней часто направляют «собирателей старины» и фольклористов, а ее рассказы не раз публиковали в сборниках фольклора.

Женщины долгие годы работали вместе в колхозе. Маланья по должности была вынуждена выполнять распоряжения Ксении. В рассказах Ксении чувствовалось пренебрежительное отношение к своим подчиненным. Так, она выражала недовольство тем, что в советское время была вынуждена «раздавать хлеб дояркам вне очереди».

На наши расспросы о Маланье она делала вид, что не понимает, о ком идет речь. Сложно представить, что Ксения действительно не помнит Маланью, женщины прожили всю жизнь в маленьком поселке и работали вместе. Скорее всего, такая «забывчивость» свидетельствует о конфликте.

Маланья не скрывала факта знакомства с Ксенией. Она сразу назвала нам ее фамилию, имя, отчество и указала на нужный дом. Если Ксения пыталась интеллигентно промолчать, то Маланья и ее сестра Нина использовали модель, хорошо известную им из традиционной культуры, – обвинение в колдовстве. Только недостаток, которым обладает семья Ксении, объяснялся не помощью «нечистой силы», а работой на немцев в войну и грабежом местных жителей:

У Ксеньи Ивановны батька был полицаем. <И как к нему относились потом?> А сейчас к ним так относятся <плохо>, но только... Она зоотехником, дак все чики-пуки... Знаешь, я век продоила корову, и она <Ксения> у нас зоотехником... его <полицая> дочка... Нелюди-

мая. А сейчас носят то довоенное, что <у> жидов обирали... Что позабирали у евреев, то в ямки, в бочки закапывали, а теперь откапывают и носят и ходят в этой одежде. <Нина> И даже золотишко – вот это вот еврейское.

Можно предположить, что Маланья хочет свести личные счета с Ксенией. Надеясь на публикацию интервью, она решила отомстить более успешной соседке.

Похожую историю нам рассказала Елена (1934 г. р.). Ее родную деревню сожгли немцы, а жителей отправили в концентрационный лагерь, где Елена пробыла до освобождения Брянщины. Наряду с воспоминаниями о голоде и насилии в концлагере Елена хорошо помнит, что в заключении она была лишена элементарных бытовых вещей: единственная рубашка, которая у нее была, пришла в негодность еще во время транспортировки в лагерь в грязном вагоне:

Эта рубашка, что, когда нас забрали, она от соли, что в вагоне соли <была>, она уже колом стояла, она уже кололася. Крепко, как кол, стояла на нас. Мне дали военную рубашку, ту рубашку скинули, и военную рубашку дали солдаты <когда освободили>.

После освобождения ее забрала к себе родственница. Воспоминания Елены о жизни в ее доме тоже связаны с крайней нуждой:

Мы доехали до своей деревни. Деревня была вся сожжена, одни комина стояли. Остановились мы в другой деревне, у чужих людей. Забрали нас, и там мы зиму перезимовали. Кто что дал одеть, мы же голые, босые.

Когда Елена пошла в школу в соседней деревне, одноклассники смеялись над ее бедностью:

В Далесичах много пошло в полицаи. Они над нами смеялись, что мы на полу, вшивые <...> ну, одежды ж не было, они над нами смеялись.

Елена, как и Маланья, объясняет богатство соседей работой на немцев. Как уже было отмечено выше, в узких сообществах личный успех неприемлем и воспринимается членами сообщества как покушение на их часть блага. В этом случае обвинение в коллаборационизме позволяет стигматизировать более успешного соседа и указать на неблагоприятное происхождение его богатств.

*Месть «полицаям»:
типы реализации одного сюжета*

Ксения рассказала о своей матери Наталье, которая перед заключением в Новозыбковскую тюрьму отдала сундук с вещами на сохранение соседке. По возвращении из лагеря Наталья нашла свой дом полностью разграбленным:

Ни одного окна нету, все, что было, разграблено – ни тряпки нету, ничего. Детям не то чтобы на голову <платка>, сундук соседке отдавала, говорит, сбережения. Сбереги, может, приду живая.

По возвращении Наталья надеялась забрать сундук с вещами, но соседка сказала, что его конфисковали немцы:

Пошла – нет, все забрали немцы. Ой, как <она> говорит, пошла: «Отдавай, соседка, мои вещи. – Нету, Наталья, забрали». Пошла к ней однажды, после войны, сколько лет прошло. Гляжу, у нее дочка в моих ботинках ходит. И просушивала она белье, и она видит – мое висит, просушивает – не отдала. Сказала, что немцы забрали. Немцы забрали, приходили и все забрали. Вот такие люди...

Сюжет об узнавании пропавшей или украденной в войну вещи – один из наиболее устойчивых и популярных. Нарративы, подобные рассказу Ксении или приведенной выше истории Елены, можно часто услышать на бывших оккупированных территориях. При этом этот сюжет может получать разную реализацию. Как мы покажем далее, тексты, которые наши собеседники создают на основе этого мотива, существенно различаются. Так, мать Ксении в ее истории изображается жертвой, которая не пытается восстановить справедливость и забрать украденное: наказанием для мародеров служит сам акт рассказа об их поступках.

Другой пример реализации этого мотива мы находим у Маланьи и ее сестры Нины, которые рассказали нам о мародерах, шаривших в домах эвакуированных или угнанных в Германию жителей Старых Бобовичей. Они вспомнили, как спустя несколько десятилетий после войны женщина отобрала куртку у жены «полицая»:

<Маланья> Захаровна она была – это тоже были полицаи. Три семьи у нас <было полицаяев в деревне>. ...И снимали, Манарку с нее снимали прямо на центре... Отдай, мое... Женщина, вот это узнала. Полицейского там жена надела <...> какую-то куртку... А узнали вот через 50 лет после войны, и вот она одела... <Нина> Вот, и она, значит, одела, а другая говорит: «Сними, это мое».

Основной пуант в историях об узнавании пропавшей вещи состоит в публичном осуждении мародера, но у Маланьи наказание мародеров дополнительно эксплицируется в сюжет – жену «полицая» раздевают на глазах у всей деревни.

Выбор формы рассказа зависит от образовательного и культурного бэкграунда рассказчика. Преподавательница иностранных языков Екатерина рассказала историю. Она называла себя «обломком старой России» и вспоминала о том, что ее мать всю жизнь хранила портрет Николая II. Екатерина хотела указать на высокие моральные принципы матери, поэтому рассказала, что та до конца жизни не разговаривала с соседкой-мародеркой:

Находились такие подонки, которые ходили грабить эти дома, от которых людей уводили на смерть. Были очень тяжкие случаи. Моя мать была в ужасе... Она даже с одной женщиной до самой смерти не разговаривала из-за того, что она знала, что она ходила в дома еврейские и таскала там... Что там можно было еще взять. Это было для нее настолько тяжело, что она даже и не разговаривала <с ней> никогда.

Елена (1934 г. р.) рассказала нам о том, как жители деревни, в которой располагалась ее школа, отомстили матери «полицая»:

Жила там одна бабка. У нее был сын, он пошел в полицаи, а она стала... Барыней. И там был один партийный <...> я не знаю, или уехал <или расстреляли>. Так в этот дом бабку и перевел сын <полицай>. <Полицай> что он делал, соберет девчат: «Идите мойте, или идите наварите». Ей. Или она придет к тебе, день будет сидеть – корми ее. Когда наши уже пришли, <...> она перешла в свою хатенку, а хатенка была такая, в землю уже вросла. <...> В эту хатенку к ней никто не ходил, потому что всем досадила она. <...> А потом к ней же никто не ходил, она там и умерла. И вонь оттуда. Бульдозер подогнали, всю хату снесли, и все. <Вместе с... Вся хату?> Вся хату, а ее <...> сошкребли с печки – она на печке, говорили, лежала – и где-то закопали.

Елена отмечает, что, помимо перенесенного унижения, жителям Далесичей запомнилось, что «полицай» занял чужой дом и требовал кормить его мать, что в условиях нехватки продуктов было крайне обременительно. Здесь, как и в истории Маланьи, наказание «полицая» встроено внутрь сюжета. Мы не можем утверждать, что описанные в истории события действительно произошли, но эта история о во многом символической мести человеку, который о ней уже не узнает, отражает ценностные установки сообщества.

Заключение

Память о Великой Отечественной войне в современной России постоянно присутствует в публичном дискурсе. Часто память о войне инструментально используется в современных политических конфликтах – в СМИ можно услышать «о потомках победителей», «бандеровцах» или «полицаях». Однако семейная память о войне для многих россиян исчерпывается знанием о факте участия их родственника в боевых действиях. Зачастую единственный контекст, в котором она становится актуальной, – это праздничные мероприятия в честь Дня Победы. Сложно предположить, что память о войне будет иметь какое-то значение в нашей повседневной жизни, в соседских или рабочих отношениях. Однако для жителей небольших городов и деревень в Брянской области это не так.

Воспоминания о мародерстве сливаются с памятью о конфискации имущества «полицаями», так как именно воровство в замкнутом аграрном сообществе осуждается наиболее всего; именно поэтому из всех преступлений коллаборационистов в памяти остается, казалось бы, не самая бесчеловечная их обязанность – конфискация продовольствия. Нарративы, в которых эти две категории населения объединены под именем «полицаев», появились из-за того, что большинство жителей оккупированных территорий прекрасно знают об их существовании и о том позоре, который дает этот статус, – это связано с советским и современным публичным дискурсом. Негативная оценка коллаборационизма в публичном дискурсе сливается с неприемлемостью воровства внутри локального сообщества, и унижительное звание «полицая» становится ярлыком для любого человека, нарушающего правила группы. Наши собеседники хорошо помнят конфискацию продуктов во время войны, потому что она воспринимается как улучшение своего материального положения за счет всего сообщества. Они оценивают мародерство в моральных категориях, поскольку его совершают соседи, знакомые им с детства.

Однако «официальная» модель «полицая» как противника советской власти в нарративах о «полицаях/мародерах» не используется: у этих рассказов другая прагматика, актуальная для замкнутого сообщества. Такие нарративы – это способ не прямо рассказать об этических нормах сообщества, живущем в ситуации постоянной нехватки ресурсов. Распространение этих историй помогало не только поддерживать память о травматичных для всей социальной группы событиях, но и наказывать ушедших от правосудия виновных: как на нарративном уровне, раз за разом проговаривая неприемлемость их поступков, так и санкционируя различные формы мести. При этом большинство наших собесед-

ников родились после войны и не имеют личных воспоминаний о жизни в оккупации – они повторяют то, что слышали о войне от старших родственников. Передача таких историй через поколения дает возможностью расквитаться с обидчиками, которые не понесли наказания в реальности.

Несколько поколений спустя у обвинений в работе на немцев появляется и другая прагматика: они используются для стигматизации неугодных соседей. Часто причиной для таких обвинений служит заметный другим финансовый успех, который вызывает зависть и требует объяснений, одним из которых становится обращение к памяти о войне. Как правило, она используется операционально, как в случае конфликта Маланьи и Ксении.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках НИР ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе»; публикация подготовлена в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» Еврейского музея и Центра толерантности.

Авторы статьи выражают благодарность за консультации и ценные советы Александре Архиповой, Анне Кирзюк, Марии Майофис, Илье Кукулину и Елене Левкиевской.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work BLTP STEPS ION RANEPА “Folklore ideologies and behavioral strategies in a modern city”; The publication was prepared within the framework of the project “Jewish commemorative practices and the modern cult of Victory” of the Jewish Museum and Center for Tolerance.

The authors of the article would like to thank Alexandra Arkhipova, Anna Kirzyuk, Maria Mayofis, Ilya Kukulkin and Elena Levkievskaya for the valuable advice.

Литература

- Абовян, Дзюбан 2019 – Абовян Е.Н., Дзюбан В.В. Новозыбков в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. 2019. Т. 25. № 2. С. 49–54.
- Гавренков 2011 – Гавренков А.А. Роль Брянского фронта в битве под Москвой (30 сентября 1941 г. – март 1942 г.) // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Люди. События. Факты: Материалы круглого стола,

- посвященного 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков / Под общ. ред. В.В. Иконова, Ю.Н. Лунева. Брянск, 2011. С. 30–36.
- Дин 2008 – Дин М. Пособники Холокоста: Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг. / Пер. с англ. М.И. Беккер. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2008. 267 с.
- Копосов 2011 – Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011. 315 с.
- Листова 2008 – Листова Т.А. Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («свеча», «божья свеча», «гулять икону») // Традиции и современность. М.: ИЭА РАН, 2008. № 8. С. 22–53.
- Махалова 2020 – Махалова И.А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. НИУ Высшая школа экономики. М., 2020. 277 с.
- Миллер 2012 – Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: НЛО, 2012. С. 7–32.
- Панченко 2013 – Панченко А.А. Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / Ред.-сост. А.А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013. С. 117–143.
- Bourtman 2008 – Bourtman I. “Blood for blood death for death”. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943 // *Holocaust and Genocide Studies*. 2008. Vol. 22. No. 2. P. 246–265.
- Exeler 2016 – Exeler F. What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation // *Kritika*. 2016. Vol. 17. No. 4. P. 805–835.
- Kudryashov, Voisin 2008 – Kudryashov S., Voisin V. The early stages of “Legal Purges” in Soviet Russia (1941–1945) // *Cahiers du Monde russe*. 2008. Vol. 49. P. 263–295.

References

- Abovyan, E.N. and Dzyuban, V.V. (2019), “Novozybkov during the Great Patriotic War”, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 25, no. 2, pp. 49–54.
- Bourtman, I. (2008), “ ‘Blood for blood death for death’. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943”, *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 22, no. 2, pp. 246–265.
- Dean, M. (2008), *Posobniki Kholokosta. Prestupleniya mestnoi politsii Belorussii i Ukrainy, 1941–1944 gg.* [Collaboration in the Holocaust crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944], Academic project, DNA Publishing House, Saint-Petersburg, Russia.
- Exeler, F. (2016), “What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation”, *Kritika*, vol. 17, no. 4, pp. 805–835.
- Gavrenkov, A.A. (2011), “The role of the Bryansk front in the battle near Moscow (September 30, 1941 – March 1942)”, in Ikonov, V.V. and Lunev, Yu.N. (eds.),

- Bryanshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Lyudi. Sobytiya. Fakty. Materialy Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 65-letiyu osvobozhdeniya Bryanshchiny ot nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov* [Bryansk region during the Great Patriotic War 1941–1945. People. Events. Facts. Materials of the round table dedicated to the 65th anniversary of the liberation of the Bryansk region from the Nazi invaders], Bryansk, Russia, pp. 30–36.
- Kudryashov, S. and Voisin, V. (2008), “The early stages of ‘Legal Purges’ in Soviet Russia (1941–1945)”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 49, pp. 263–295.
- Koposov, N.E. (2011), *Pamyat’ strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime. History and politics in Russia], New Literary Observer, Moscow, Russia.
- Listova, T.A. (2008), “Social and religious holidays on the Russian-Belarusian borderland (‘candle’, ‘God’s candle’, ‘walking an icon’)”, *Traditsii i sovremennost’*, no. 8, pp. 22–53.
- Makhalova, I.A. (2020), Collaboration in Crimea during the Nazi occupation (1941–1944), Ph.D. Thesis (History), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Miller, A.I. (2012), “Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 century”, in Miller, A. and Lipman, M. (eds.), *Istoricheskaya politika v 21 veke: sbornik statei* [Historical politics in the 21 century. A collection of articles], New Literary Observer, Moscow, Russia, pp. 7–32.
- Panchenko, A.A. (2013), “Fugitives and informers: ‘military narratives’ in the modern Novgorod village”, in Panchenko, A.A. (ed.), *Russkii politicheskii fol’klor. Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore. Research and publications], New publishing house, Moscow, Russia, pp. 117–143.

Информация об авторах

Сергей В. Белянин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82;

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gobispre10@gmail.com

Екатерина А. Закревская, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakrevskaya.ea@gmail.com

Information about the authors

Sergei V. Belyanin, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119571;

postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; robispre10@gmail.com

Ekaterina A. Zakrevskaya, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakrevskaya.ea@gmail.com